

Птица и Рай

Рай

Птица, где ты...

Когда я создавал мир, видел ли себя плачущим у черного обрыва, рвущего сознание на реальность и нереальность? Осознавал ли, как велика пропасть, и как хлипкок, невозможно хрупок мост через нее? Мост, про который наверняка можно сказать лишь одно: он не существует.

Невыносимо.

Служба, служба, вечная суета друзей-коллег в поиске проблемы, на которую можно, наконец, радостно наброситься и дружно решить. Чистые, ясные лица... Я не могу, Птица, больше так не могу! Мне нужны твои слезы, Птица, твой кураж и тоска. Твой мир. Твой свет.

Мне темно без тебя, Птица.

Если дальше так пойдет, окажусь на Острове. Отец уже десять лет там. Я не рассказывал об отце? Говорят, на Острове с каждым годом прибавляет-

ся поселенцев. Их кормят, развлекают. Лечат, да без толку. Они счастливы, конечно. Растения у чуткого садовника. «У нас все счастливы», — помнишь, я сказал, а ты не поверила? Было немного странно — у нас друг другу доверяют. Я попытался объяснить. Ты рассердилась и натолкала мне в рот полыни: «Лопай-лопай! Горько? Не смей улыбаться!» Было горько. Но я улыбался. Ты плюнула: «Недоделанный!» Я пожал плечами — на себя не обижаются.

Знание

Город мой по вечерам — та еще помойка. И потому, что Контролеры объявляются по ночам, и потому что дождь, и выходят на промысел крысы, а прочим нужно купить ночлег, а тихих мест мало, и здесь же ветер и слякоть, и ржавчина, и — смотри под ноги! — черные трещины, режущие некогда гладкую кожу города, ныне

умирающего. Впрочем, это «ныне» длится уже не один десяток лет, и на мой век его, надеюсь, хватит. Ибо город — мое место, моя стихия и моя игра. Я не знаю ничего другого, и знать не собираюсь.

Лучшее место для ночлега — трамвай, коту понятно. Но котов в вагон бесплатно пускают, жалеют, их уже всех почти крысы заели. А людей, наоборот, меньше не становится. Выживают сильнейшие: либо умные, либо беременные. Отличная система. Умные — самцы, беременные — самки. Человечество продолжается, поклон Контролерам.

За исключением тех, кому нечем оплатить трамвай.

Крысы ночью сожрут все, что не грохочет, не движется, не воняет соляжкой. Трамвай в пути до рассвета, он кружит по улицам, пугая скрежетом гусениц останки домов и сырой туман. Конечно, от Контролеров движение — не защита, ну да Рая нет, ни так ли?

Поэтому я иду на вокзал. Я худая, ловкая, в штанах. Это сбивает с толку полуголых самок, трясущих перед прохожими очоленевшими, в пупырышках, прелестями. Сразу три подгибают ко мне, оттягивая назад зады и ухитряясь при этом держать грудь сантиметров на тридцать впереди подбородка. Детенышем и я мечтала о такой. Дура была.

Окружив меня, женщины начинают обычное шоу. Чтобы поскорее отвязаться, расстегиваю куртку. Самки тоскливо вздыхают и разбредаются в разные стороны — искать самцов. Похоже, сегодня им не удастся залететь. В дождь мужчины не расположены спариваться. Женщин, выживающих за счет рождения детей, не жалко. Нет ума — работай пузом. Без ума и без пуза — верный конец. Кто-нибудь да съест.

Вчера мне повезло, я спала в вагоне. И позавчера. И третьего дня. Мне вообще везет. Я такая. И Знания всегда находятся расплатиться. Меня не съедят, точно знаю. Я буду жить вечно. В пределах видовой нормы, конечно.

Интересно, почему трамваи ездят по рельсам? Требуется ой какое умение — рельс пускать точненько под середину гусеницы. Хотя ясно: будь оно иначе, любой дурак мигом бы на водилу обучился. Место непыльное, платят отлично, натуральная свара началась бы из-за такой работы. А свар Контролеры не любят, живо драчунов в консервы закатают. Нет, дурак — он пусть барменом в пайкораздатчике работает. Или на бойне в шоу утешал. Или котомки шьет.

Ничего себе цены сегодня! Два мегабайта спальный трамвай, полтора общий. А что в котомочке лежит? «Теория информации» — это фигушки вам, не отдам, читаю. Ясно? Читаю, а не зубрю. Могу себе позволить. А «Контроль рождаемости вермоков» не жаль и отдать. Кто их, вермоков этих, видел? Не я. И как раз шестьсот страниц, тютельница в тютельница на билет. А книга редкая, в первый раз попалась. И в последний, надо надеяться.

Господи Боже, которого не существует! Очередь в кассу — видано ли? Знания народу разнадобились, или... Ах да, слышала краем уха про нашествие гигантских крыс...

— Пшел вон со своей «Мифологией»!

На «Вермоков» менять, придумал тоже... Она у тебя и на мегабайт не потянет, и вообще, это и не информация вовсе, а... во! — литература. Иди с ней в кассу, может на билетах сегодня дурак сидит... Не взяли? Так тебе и надо, лирик обеденный. Скоро свет погасят, крысы набегут. Они лирику уважают, вместе с тобой сожрут. Впрочем, в некоторых домах тоже вполне безопасно, переночевать можно... если ты беременный! Ха-ха-ха.

— В спальный. Только верхние? Давай верхний.

Отправление в двадцать один ноль три.

Публика нынче пестрая. Знания пока не нужны, но почему б не поработать? Час до трамвая. Ну те с, голубчики, с кого начнем? Баба косматая, очки на одном ухе, рыло в график уткнула — изучает. А книга вверх тор-

машками. Не мой экземпляр. Пацан физику мусолит, начальный курс — кандидат номер раз на консервы. Как не забрали до сих пор? Поди едва-едва из питомника. Там и нужно было физику-то зубрить, не только девок морщить. Соображать надо, планировать жизнь свою, чтоб подольше не кончилась... Не нужен ты мне, дорогуша.

Сегодня даже самок полно. Замерзли, что ли? Сидят стайкой, у каждой — брошюра «Порочное зачатие — цель или средство?» Это им профсоюз выдает. Лучше б таблицу Менделеева выдали, всё шанс, хоть и крохотный.

Светло! С потолка каплет, по стенам ручьи бегут — надышали. Вонь — как в трупомойке. Но — светло. Люди сюда и набиваются по вечерам зубрить. Пока билеты продают, никого не гонят. Да и зачем? Свет погаснет — сами разбегутся. На вокзале не заночуешь, нет. Но за вечер с десятка страниц выучить успеешь. Днем, при солнце, учить некогда. Надо Знания зарабатывать. Днем зарабатываешь, вечером потребляешь.

Кстати, о потреблении. Закушу, пожалуй, «Теорией информации», больше нечем. Паек утром выдают, оно рациональнее. А то накормишь его вечером, а он крысам достанется. Непроизводительный расход ресурса... Факт! Прямо по темечку, даже больно. Таракан жирный пошел... И синий. К чему бы? Ох, нехорошо. Перемены всегда опасны. Мне что, у меня адаптивность зашкаливает, как у синего таракана. А грибочки мои, клиентки многобайтовые, ну если пострадают? Весь бизнес накроется дьявным тазом. С кого я кусок имею, не с этого же быдла прыщавого, ну, того, с «физикой». Сама б забила на консервы, да кто его жрать станет? По роже видно, индекс Знания — тьфу, флюксы до мозжечка не дотягиваются... Крысам достанется, факт.

Я работать люблю. Хороший товар редко попадает, а то б тележку под Знания пришлось завести, таскай за собой этакую тяжесть... Все, что ни делается, — к лучшему в нашем луч-

шем из миров, которых один. Пойду поброжу, развлекусь.

Читает... Читает... Почитает — побубнит... Мне такие не годятся. Их Контролеры сами отсортируют. Народу прорва, а прицениться не к кому.

— Ты! Эй!

— Я? — оглядываюсь.

Парень с «Мифологией». Скалится:

— Что ходишь-нюхаешь?

— Тебя ищу.

Тебя-тебя, дорогуша! Сразу не включилось, да в мозгах застряло: парень-то не прост. Рожа толстая, розовая. Куртка крепкая, лучше моей, это серьезно. А дурачком прикидывается, на билет ему, вишь, не хватает. Хорошо бы клиент, так ведь, скорее всего, конкурент. Впрочем, одно другому не мешает. Сыграем, крысенуш? Кто кого съест. Смеется! Мороз по коже трамбуем. Знает, гад, свою силу.

— Только птицы не хватало для комплекта! — говорит. — Значит, Птицей будешь ты.

Рай

Есть упражнение, вроде игры, отличная утренняя зарядка: вытаскиваешь из памяти наугад несколько случайных факторов и строишь мир на их основе. Чем атипичнее начальные параметры, тем труднее задача. И тем забавнее результат. Память — чудная штука, особенно, генетическая. Сколько уже поколений прошло с тех пор, как ввели всеобщую модификацию при рождении — а до сих пор жуткие образчики человеческого прошлого откуда-то в сознание выскакивают.словно чертик из коробочки. Мы спокойно к этому относимся. Как к атавизму. Игру вот придумали. Такого понастроишь, сам себе удивляешься. И на реальность после по-другому смотришь, свежим взглядом.

В тот раз выпали: «знание», «людоедство», «птица», «темные миры». Почти сразу начались маленькие странности, вроде синюшного оттенка обычно серого медитационного туннеля или лавандового запаха от проплывавших мимо трупиков тощих желтых кошек. Нет, вообще-то я не

против дохлых кошек, все сущее смертно, но почему лаванда? К тому же, трупики жалобно выли. Попытался настроиться на серьезный лад, «людоедство» обязывало, и «знания» штука нешуточная, но дурацкие кошки мельтешили перед внутренним взором, застя обзор и путая образ на экране. Так я и вывалился в новорожденности нереальности в несерьезном настроении, не сообразив толком, что создал. Впрочем, было ясно, что мир здесь, действительно, «темный», мрачный и жестокий. Оставалось найти конкретные воплощения трех остальных условий, и все. Задача считалась решенной, игра на этом заканчивалась.

Был вполне земной вечер. Непогожий, промозглый, серый. (Мы умеем настраивать погоду, но глупо лишать окружающую среду богатства разнообразия, правда?) Нереальность редко радовала яркими красками, эта не являлась исключением. Впрочем, жаловаться бессмысленно: ибо что есть нереальность, как не воплощенное в образный мир ощущение жизни предыдущих, не модифицированных счастьем, поколений? Плюс мое собственное отношение к этому ощущению. Радуйся, что не здесь родился.

Ладно, поищу-ка для начала «знания» ... Да вот же оно! И «людоедство» рядышком. Забавно: количество информации здесь влияло на состав крови, увеличивая количество ядовитых «флюксов», и являлось впрямую, а не опосредованно, фактором выживания. Некие Контролеры (иномирцы?) отлавливали с помощью простого анализа крови недостаточно информированные экземпляры для последующего поедания. Больше «флюксов» — меньше вероятность попасть на бойню. Кажется. Или нет? По крайней мере, так считало местное население. Вариант естественного отбора? Вернее, неестественного. Были еще Приемщики, высшая каста Контролеров... или вроде того. Мда, состряпал пирожок с котятами, как выражались предки.

Ух! Чуть с ног не сшибла. Кошка. Желтая, естественно. Кис-кис! Пти-

чек не видела? Нету птичек. Неужели промахнулся? Заново начинать некогда, на работу пора.

Знание

Улыбаются, в основном, утешалы. Их и хохотать учат, профессиональный секрет. И петь. Дураки-то, консервы будущие, сильно смерти боятся, мясо от страха теряет качество. Утешалы их и отвлекают. А этот скалится и скалится! Чувствую прямо — уровень флюксов в крови падает. Вполне созрела для консервов. «Знания повышают скорбь». То есть, ядовитость мяса. А смех приближает трупомойку.

Пол суток уже за мной таскается, чего и хочет? Сперва за конкурента приняла, а теперь не знаю даже. Подставлялась — не клюет. Сдать бы поскорее и отвязаться, так Приемщик не возьмет. Ему какой товар требуется? «Создающий существенно новое Знание».

У-у, этот создает! Да только не Знание. Врет почище утешалы. Обитает он, мол, в Раю, а сюда на волне памяти прибыл. На зарядку какую-то утреннюю. «Я, — говорит, — живу в большой доброй крысе по имени Юлба. А мой брат в Мокрае поселился, Мокрай — Венерианский окунь. Они оба море любят и очень дружат». Или вот: «Питаемся саранчой. Но в этом году она не уродилась: мелкая и не полностью зеленая. Приходится планктоном вес до идеала красоты нагонять». Был у меня знакомый, в питомнике еще. Тоже глаза вдаль уставит, слов несуществующих наворотит горами. Счастье какое-то придумал. Некоторые слушали, даже умным считали. А из питомника выпустили — Контролеры его в первую же ночь на мясо пустили.

Этот тоже счастье поминал.

...Боюсь я его. Не того, что даст, вряд ли. Слов его боюсь. Изнутри, из памяти моей, из души, которой нет, тянет за словами теми дальше двинуться, не останавливаться, слушать и слушать. Вот так на бойне, когда нас на экскурсию водили, тянуло кинуться в мясорубку.

Рай

«Целый день нам не сидится, все стоим на ягодицах!..» Душа-32 соловьем разливается. Кто, интересно, музыкальные порты душами додумался назвать?

Юлба с утра зажаловалась на неприятные покалывания в области третьей лапы. Там находился я. Она испустила мысль: «Ты у меня болишь» и выставила на улицу. Крысы не страдают нерешительностью. Я влез на дерево и свил гнездо. Поживу в гнезде, пока Юлба не смиловится. Приручать новый дом нет ни сил, ни желания.

На работу не хочется. К Мелиссе и друзьям тоже. Сажу на ветке, ноги с ветром играют. Проплывающие мимо парочки занимают сексом. Мне бы радоваться за них, а я... Крестец ломит, сердце щемит, скулы сводит. Заболел? Что подсказывает память предков? Настраиваю резкость. Нашел! Четвертый сектор подсознания, восьмая семядоля смысла: лень, любовь, вина. Эуэ?... О чем это? Ну, теоретически-то знаю, а практически... Странное ощущение. Не стану утверждать, что отвратительное. Но и приятным не назовешь. Любовь? Я многих и многое люблю. Лень?.. Отчетливее всего — вина. Прости меня, Птица, хорошенько. За то, что создал ужасный мир. Помнил надеждой и теплом, а сам струсил и сбежал. А потом, когда понял, как ты нужна мне, не сумел вернуться.

Но ведь Птица — продукт моего воображения! Значит, я прошу прощения у самого себя? Наверное, так и попадают на Остров.

Про Остров ходят разные байки. Раньше я не особенно вслушивался, а — поди ж ты! — запомнилось. Один парень с Марса утверждал, к примеру, что это не остров в географическом смысле, не континент даже, а целая планета, и на той уже места поселенцам не хватает. Доктора их ушеляцами называют. Будто ушеляцы эти знай лежат в коконах целыми днями и пускают розовые слюны. Еще тот парень говорил, что они самые счастливые люди и есть, полностью постигли сча-

стье, а мы, мол, к нему только стремимся. Вроде шутил он... Тогда мне так показалось.

Знание

Не возьму в толк, как подобное могло случиться? Я бродила по городу по своим охотничьим делам, тот тип таскался следом. Не мешал, в общем. Еды не просил. Плел изгибистые небылицы про Рай. Называл Птицей. Говорил, что бог. Я злилась. Презрительно сплевывала. Демонстративно жевала паек. А ливень бредятины, исторгавшийся из его уст, усиливался, усиливался, усиливался...

И меня смыло. В какой-то проклятый момент я вдруг поплыла. Проверила. Всему сразу. В Рай и в крысу Юлбу. В телепорты, Марс и хрустальных кошек. В живые лампочки. В докторов. В то, что Он — Бог. И стала Птицей.

Мой мир отныне был не единственным. И, кажется, далеко не лучшим. Да и был ли вообще? Не помню точно, но, вроде, я села на рельс и заревела в голос. От обиды. От боли. От невозможности происходящего, и от невозможности на происходящее повлиять. Город качался надо мной, грозя обрушиться на голову. Ну и пусть — ведь сердце уже расколосось.

Бог стоял рядом и больше не улыбался. Мой Бог.

Рай

Птица обнаружилась, задачка решилась. Очередная галочка в ряду подобных побед. Почему я не закончил игру?

Ночь пролистнул. Невелико удовольствие — болтаться несколько часов в грязном грохочущем вагоне. Птица ничего не заметила. Вид у нее был деловой и страшно самодовольный. Словно у древнего воробья. Он так же передвигался нервными рывками и важно крутил круглой головкой в поисках зерна, когда отец водил меня, семилетнего, в музей реликтовых животных. (Теперешняя живность сильно увеличилась в раз-

мерах и посolidнела, а люди, наоборот, измельчали).

Мы вышли с вокзала на улицу. Птица наморщила остренький носик — принюхалась (что можно уловить в этой вонючке?), злобно плюнула в мою сторону и заскакала вперед через ки-

шащие крысами трещины, оглядывая по-хозяйски владения в поисках умственно развитой добычи. Я двинулся следом. Удивительно: она, казалось, была совершенно, безо всякой модификации счастлива в жуткой здешней среде. Не знаю, что на меня нашло,

может, покорило ее непомерное самомнение, но вдруг захотелось рассказать об иной жизни, о друзьях, о Земле. Я разливался соловьем. Птица косила круглым воробьиным глазом и возмущенно фыркала. Она шагала быстрее и быстрее, будто надеялась убежать. Это я понял позднее. А покамест наслаждался ролью Бога, сошедшего в своей великой милости до беседы с собственным созданием.

Замолчал лишь тогда, когда она плюхнулась наземь и горько заплакала. Я удивился. Наклонился, коснулся ее щеки, зачем-то поймал пальцем бойко удиравшую голубоватую слезу, почувствовал частое, живое птицино дыхание на своем лице.

Захлебнулся жалостью и нежностью и совершенно растерялся.

— Ты красивая, Птица. Ты — настоящая?!..

— ...Сам дурак!

Знание

Он еще и хотел меня! Не понимаю. Я и на самку-то не похожа, тем паче — на красивую самку. Наверное, если бы он приказал, нет, просто моргнул, я бы кинулась под него, как миленькая, забыла бы свои принципы... страхи завести внутри пожирающий, рвущий тело на части плод... Но, к счастью (в счастье я поверила тоже), Бог промолчал. Отодвинулся, отстранился как-то. Задумался вроде. Теперь уже я послушно шлепала за ним и болтала разную ерунду: про питомник, где молодняк выращивают до пятнадцати лет, про дома для беременных, про поющих сказки утешал. Про старика, которого однажды встретила на раздаче пайков. Склероз пошатил его, индекс Знания оставался высоким. Старик бормотал что-то о временах, когда не было Контролеров. Люди послушали немного, а потом выпинали деда из очереди. Больше я его не видела. Рассказала, из чего делают паек. Бог аж запнулся, лицо побледнело, потом полилоVELO. А, помоему, саранча гораздо гаже.

Потом очухался, снова стал разговаривать. Улыбаться. У водосберегательной башни мы оба остановились.

Разом. День заканчивался. Дни иногда бывают коротенькие почему-то. Бог сказал:

— Мне на работу пора. Я завтра вернусь, ты не думай. Встретимся утром на этом месте.

А чем мне думать? В голове полная плазма. Первичное состояние материи, не структурированной сознанием. Спросила только:

— Чем занимаешься? Создаешь миры?

Рай

— Волны прочесываю. Электромагнитные и гравитационные. Элиминирую нейтрино.

И покинул нереальность. В тот момент я не собирался возвращаться. Чего ради наобещал, интересно? Подстраховался на всякий случай. Наверное, у Птицы врать научился.

Сегодня приползала Мелисса. Ее новая гусеница очаровательна. Единственный недостаток — чересчур смешливая. Пол постоянно трясется. Но Мелиссе нравится. Звали с ними пожить — отказался. Я в гнезде привык. С местным ветром подружился. Отличный товарищ — вроде и здесь, а молчит. Думать не мешает.

В отличие от Мелиссы. Отослал ее подальше. На Марс куда-нибудь. Попросил тамошних снов наловить. Мол, земные приелись, оттого и заскучал. Понеслась меня спасать! Недели три на гусенице-то проползает. Коллег по работе еще бы спровадить и прочих не в меру заботливых друзей. Хорошо хоть мама на спортивных сборах в Антарктике. На нерпу тренируется. Девиз нерпистов: «Солнце, воздух, порубь, хвост — не дождетя нас погост!»

Темные миры, знание, людоедство, птица. Птица, знание, темные миры, людоедство. Знание. Людоедство. Птица. Я пройду! Подберу нужные пропорции. Вспомню. Вычислю. Вывернусь наизнанку, но рожу тот мир снова. Буду ждать утром у башни.

Я люблю тебя, Птица. Мне плевать на нейтрино, на приторно, тошнотворно сладкую, линейную реаль-

ность. Отсюда, из гнезда, очень удобно плевать.

Знание

— Бог, говоришь? Бог — это хорошо. Просто отлично.

— Сколько дашь?

— Гигабайт.

— Мало!

— Я не сам расценки устанавливаю. Не хочешь — не сдавай.

— ... Ладно.

Только заведи его отсюда! Я сумею. Я забуду. Мой дивный мир станет прежним.

— Приемщик!

— Ты еще здесь? Сначала товар, потом байты.

— Скажи, Приемщик, мне надо. Я заплачу. Вы что, действительно, едите дураков?

— Глупая. Сама посчитай. Прикинь, какую прорву бездельников приходится кормить. На одни пайки бездна консервов уходит. Нет, дураков едите вы.

— Я так и думала. И нечего обзывать. Тогда зачем же всё?

— Что — всё?

— Ну, Знания потреблять. Учитесь. Вы установили этот порядок, не всегда же он существовал. Вы ведь включили исторические сведения в перечень Знаний. Я читала.

— Какая умная девочка! Смотри, попадешь ко мне в суп.

— В суп?

— Ну да. Куда, думаешь, деваются умницы, которых приводишь ты и тебе подобные? Только они и годятся в пищу. Настоящий деликатес. Качественный скачок, не определимый с помощью анализа крови. Вы зовете нас Контролерами, а мы — Садовники. Выращиваем человеческие сады. Ходим, удобряем. Пропалываем. Обрезаем лишние побеги.

— И все труды — ради того, чтобы набить брюхо?

— Чем лучше твои личные цели? В конечном итоге, все сводится к одному. Мы — цивилизация гурманов и не стыдимся этого.

— А мы?

— Вы — пища. Еще вопросы?

— Нет. Сколько я должна?

— Нисколько. Ты уже заплатила больше, чем можешь себе представить... Птица.

Рай

Когда повалили косяком дохлые желтые кошки, я заплакал и принялся целовать их в желтые, завывающие морды. Кошки удивились, но продолжали выть. Теперь добавить немного лаванды — и быстрее к выходу.

Знание

Ночью вагон не проверяли Контролеры. Обычно мне нравится демонстрировать карточку иммунитета, вызывая жуткую зависть у окружающих дураков, но сегодня я была, пожалуй, даже рада возможности спокойно выспаться: день накануне выдался бурный.

Утро казалось обычным. Пока не добралась до пайкораздатчика. Там скопилось уже довольно много народа, однако, очередь не выстроилась. Двери в помещение распахнуты, бармены на месте, но паек никто не выдавал. Консервы не завезли.

Толпа внезапно и болезненно оживилась. Загудела. Люди заговорили друг с другом, все со всеми сразу. Перекидывались фразами с отдаленными собеседниками, шептали на ухо ближайшим соседям, крутили головами в поисках еще не услышавших главную новость, и это выглядело настолько необычно, противоестественно, неприлично даже, что сама новость не показалась столь уж странной.

Никто прошедшей ночью не видел Контролеров. Неизвестно откуда и почему, но было ясно, как крыса на трупе, что они ушли из нашего мира.

Ушли?! Да как они посмели! Брошили нас... Меня...

Ушли.

Я сдавленно мявкнула и рванула к водоочистительной башне. Не знаю, чего мне больше хотелось, успеть или не успеть, наверное, все-таки первое (бежала быстро), но — не успела. У грязной кирпичной стены валяжно

расположилась большая, аккуратная стопа. Знания. Ровно один гигабайт, без обмана. Мой Бог, наверное, промахнулся во времени и пришел пораньше.

Придя в себя, поняла, что с остервенением топчу ни в чем не повинные книги. А появившийся откуда-то пожилой самец успевает-заталкивает в котомку здоровенный лохматый том. Надо думать, самый большой из кучи выбрал. Ну да, Знания, как же! Мерило ценности.

Что-то вдруг случилось со мной, что-то непонятное. Туловище согнулось, затряслось конвульсивно, дыхание переключилось. Потом воздух, наполненный легкие до отказа, рванулся наружу короткими, легкими волнами-квантами, птичьим клекотом рванулся. Смехом? Я глядела на ошарашенного самца, на бесполезную грудышку байтов, на башню, на чертово грязное небо, проглотившее Контролеров — и смеялась. Хохотала так, что кишки сводило.

Остановилась. Передохнула. Застигнула куртку под самый подбородок. Развернулась и, не оглядываясь, запрыгала через трещины вперед. Пропали они пропадом — и Контролеры, и Боги, и все вершители судеб вместе взятые! Я, в общем, всегда была сама себе Богом. Под ногами стлался, какой ни есть, но мой город. Крысой буду, если не найду здесь тепленького местечка.

Рай. Остров.

Под раскидистым кустом пшеницы разговаривают двое пожилых, но младших помощников доктора Фитнеса.

— Слышал? Игру-то запретили.

— Да ну? И которую? Повыше или покраснее?

— Я серьезно. Умники, вроде твоей дочки, ее вместо зарядки для мозгов использовали. Думали, туннель — ход в подсознание, ну там память генетическая, другие мотыльки-мыслишки. А оказалось...

— Не тяни! Сейчас чихну от любопытства!

— Переход в другие миры оказалось! Не совсем, но вроде того. Я плохо понял. Если код набора немного видоизменить, сам-весь туда проваливаешься.

— Да ну!

— Брюки гну!

— И что?

— Да ничего. Исследуют пока. Их, миров-то, немеряно. Триллиарды. А знаешь, кто первый провалился?

— Кто?

— Сынок твоего ушельца тридцать шесть.

— Да ну! Нашли?

— Брюки гну! Не нашли. А еще слышал вчера по мыслекону? Капитан Краулет, известный путешественник, новую высокоразвитую цивилизацию открыл. Вернее, они сами себя открыли.

— Это как?

— Брюки накосяк! Барколет его возле звезды Пи-пять подстерегли — и на борт напросились. Сильно, говорят, хотим познакомиться. Наслышаны, давно ищем цивилизацию Рая. Теперь к Земле летят.

— Да ну?

— Брюки гну! Называют они себя Кочегары. Или Лабекмахеры? Нет, Садовники! Точно — Садовники. А еще новость слышал?...

Удаляются делать добрые дела.

ОБ АВТОРЕ:

ВОЛОДИНА Наталья — прозаик, автор фантастических и реалистических произведений.